

С. А. АРУТЮНОВ

К ОЦЕНКЕ РОЛИ МИГРАЦИЙ В ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЯПОНИИ

Вопрос о времени первоначального заселения Японии не может считаться решенным. Ни один из так называемых палеолитических памятников, открытых на ее территории, нельзя с полной достоверностью отнести к палеолиту. То же можно сказать и о недавно открытой стоянке Ивадзюку; хотя многие ученые и склонны считать ее палеолитическими условиями залегания позволяют предполагать, что обнаруженные здесь орудия переотложены из слоев с неолитической керамикой¹.

Все достоверные доисторические памятники на территории Японии относятся ко времени не ранее неолита. Неолитические культуры в Японии классифицируются в основном по типологии керамики. Однако керамика, относящаяся к различным культурам, имеет некоторые общие черты, позволяющие объединить все эти культуры под общим наименованием «дзёмон». Можно считать почти несомненным, что все этапы дзёмона дают картину непрерывного развития; основные черты каждого этапа существовали в зачатке на предыдущих стадиях². Начиная с самых ранних этапов дзёмона, можно проследить постепенное развитие элементов культуры, присущих в видоизмененной форме айнам уже в историческое время.

Еще ранним неолитом, до стадии Мороисо, датируется найденная раковинной куче в Накаи часть глиняной статуэттки. На стадии Мороисо и позднее такие статуэттки получают широкое распространение; появляются каменные изображения фаллоса и рыб. Эти предметы могут быть сопоставлены с айскими инау, фаллическими надгробиями, деревянными рыбами; датируемый неолитом сосуд в виде свернувшейся змеи (рис. 1,а) находит себе полную параллель в айских сделанных из соломы изображениях свернувшихся в кольцо змей (рис. 1,б). Известно, что в конце I тысячелетия н. э. наблюдается упадок айской керамики и перенесение ее художественных традиций на дерево и другие растительные материалы³. Работы Бельца⁴ и Коганэи⁵ убедительно показали отражение в поздненеолитической керамике, в частности в статуэтках, айского физического типа, прически, орнамента.

¹ I. E. K i d d e r, Reconsideration of the pre-pottery culture of Japan, «Artibus Asiae» Ascona, 1954, стр. 135.

² М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. сер., т. XXXVI, М., 1958, стр. 271.

³ G. M o n t a n d o n, La civilisation ainou et les cultures arctiques, Paris, 1937, стр. 38.

⁴ E. B a e l z, Zur Vor- und Urgeschichte Japans, «Zeitschrift für Ethnologie», № 39, Berlin, 1907.

⁵ Y. K o g a n e i, Über die Urbewohner von Japan, «Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ost-Asiens», Bd. 9, fasc. 3, Tokyo — Yokohama, 1903.

В целом имеющийся археологический материал четко выявляет непосредственные связи между населением неолитической Японии и современными айнами и не дает оснований говорить о появлении в ту эпоху на Японских островах иных, этнически отличных компонентов. Как правильно указывает М. В. Воробьев, даже при допущении возможности занесения какой-нибудь культуры (например, культуры Мороисо) с новой миграционной волной, все же приходится признать, что «переселенцы, если они и появились в это именно время, не особенно отличались от уже натурализовавшихся в Японии переселенцев ни по физическому строению костяков, ни по культуре»⁶.

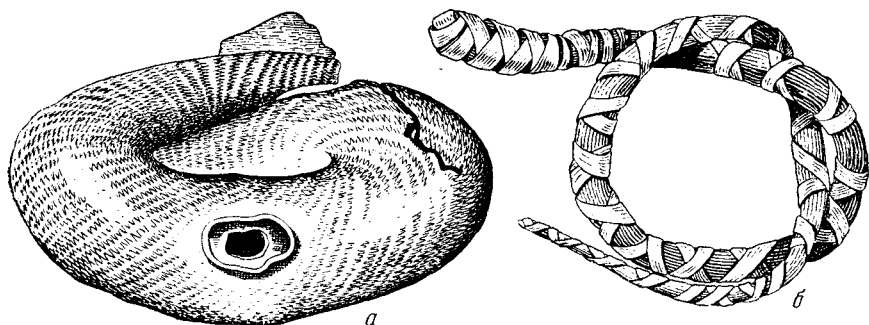

Рис. 1: а — сосуд в виде свернувшейся змеи (Япония, неолит); б — айнский фетиш солнечного змея

Это не означает, однако, что все переселявшиеся в Японию на протяжении неолитической эпохи этнические группы принадлежали к айнам. Палеоантропологические материалы указывают на возможность того, что среди этих переселенцев были группы южномонголоидного антропологического типа. Дело в том, что если соматически, например по развитию третичного волосяного покрова, айны резко выделяются среди остального населения Восточной Азии, то по краниологическим признакам дифференциация их от южных монголоидов весьма затруднительна, а именно сюда, к Юго-Восточной Азии — ареалу расселения южных монголоидов, и ведут намечающиеся пока связи различных культур Японии.

Нет никаких оснований говорить о генетических связях неолитического населения Японии с древним населением Сибири и Дальнего Востока⁷. Накопившийся в науке материал свидетельствует в пользу взгляда, высказанного еще Л. Я. Штернбергом, о происхождении айнов из Юго-Восточной Азии, откуда они были вытеснены (вместе с рядом других австралоидных народов) миграциями иных, прежде всего индонезийских (малайско-полинезийских), этнических групп. Вместе с тем гипотеза Штернберга нуждается в некоторых уточнениях. Как уже указывалось автором настоящей статьи⁸, многие черты в материальной культуре современных айнов, связанные с Индонезией, не могут быть объяснены предположением, что айны непосредственно принесли их из этой области. Таковы айнские приемы кораблестроения и ткачества, например снабжение долбленых лодок-однодеревек наставными фальшбортами из тесаных досок, натяжение основы ткани между рамой, прикрепляемой к поясу ткача, и колышком, вбитым в землю, и некоторые другие элементы

⁶ М. В. Воробьев, Каменный век стран Японского моря, Л., 1953, стр. 285 (рукопись кандид. диссертация, архив Ленинградского отделения Ин-та археологии АН СССР).

⁷ М. Г. Левин, Указ. раб., стр. 265.

⁸ С. А. Арутюнов, Об айнских компонентах в формировании японской народности и ее культуры, «Сов. этнография», 1957, № 2, стр. 14.

культуры, обнаруживающие разительное сходство с индонезийскими. С не могли быть известны людям на ранней неолитической ступени развития, когда началось заселение Японского архипелага. Подобные параллели скорее могут быть объяснены контактами айнских и индонезийских племен уже на территории Японии в сравнительно позднюю эпоху. Поток этих древних индонезийцев можно видеть в племенах хаято и куми упоминаемых японскими хрониками и уже неоднократно сопоставлявшихся в литературе по этому вопросу с индонезийскими народами⁹.

Разграничение айнских и индонезийских насельников как во времени так и территориально, на основании известных до сих пор памятников не представляется возможным. В этой связи нельзя не пожалеть, что археологические исследования велись в Японии в основном на главном острове — Хонсю, который в рассматриваемую эпоху находился в удалении от центра важнейших исторических процессов, протекавших на о. Кюсю, где в основном шло формирование японской народности вплоть до начала становления государства. Впрочем, отсутствие резких различий в неолитических культурах Японии легко объяснимо, так как индонезийцы скорее всего продвигались на север вслед за айнскими, в постоянном контакте с ними на протяжении всего их долгого пути, и первоначальные различия в их культуре, как бы велики они ни были, со временем должны были сглаживаться.

Если в развитии неолитических культур Японии мы прослеживаем преемственность на протяжении весьма длительного времени, то иная картина вырисовывается, когда мы переходим к рассмотрению культур относящихся в основном к энеолиту и известных под собирательным названием яёи. Отличия инвентаря яёи от инвентаря дзёмон настолько велики, что японские археологи первоначально пытались противопоставить эти две культуры как территориально разграниченные и искони принадлежавшие различным народам: яёи — предкам японцев на юге, дзёмон — предкам айнов на севере. Вскоре, однако, стало ясно, что эти культуры различаются не столько территориально, сколько хронологически.

Сейчас, пожалуй, никто уже не отрицает, что появление культуры яёи в какой-то мере связано с новыми переселениями на территорию Японии. Различия во взглядах исследователей относятся к оценке роли этих переселений в формировании и распространении этой новой культуры. Сторонники крайних миграционистских воззрений отрицали вообще какое бы то ни было участие коренного неолитического населения в создании энеолитической японской культуры, приписывая ее исключительно переселенцам. Эта концепция, правда, не является господствующей, и большинство японских ученых признает важную роль местных неолитических элементов в создании новой энеолитической культуры.

Однако многие ученые впадают в противоположную крайность, вообще отрицая значимость переселений на этом этапе истории Японии. Такому недооценку можно отметить, например, в трудах японского историка С. Тома, который трактует распространение энеолитической культуры лишь как результат некоторого оживления имевших якобы место и ранее постоянных миграций с материка¹⁰.

По Тома, орнамент на сосудах раннего яёи (керамики Татэясики и Карако) сходен с орнаментом, характерным для позднейших этапов культуры дзёмон (Охоро-А). Упрощение позднеэнеолитической керамики в западной Японии, по его мнению, знаменует начало традиции скупых и строгих линий энеолитической керамики. Захоронение в урнах — один

⁹ «Кокуси дзитэн» (Словарь отечественной истории), Токио, 1937, статья «Ку-масо».

¹⁰ С. Тома, Михон миндзоку-но кэйсэй (Формирование японской нации), Токио, 1935.

из самых характерных признаков культуры Суку (поздний яёи) — было известно и в позднем неолите, но ограничивалось детскими погребениями (памятники Цукумо, Ясаки, Инарияма). Тома предполагает, что неолитическая техника еще не позволяла делать урны для взрослых.

«Подытоживая эти моменты сходства и преемственности,— пишет Тома,— мы видим, что связь культуры дзёмон с культурой яёи очень тесна. Несомненно, творцы этих культур были людьми одного и того же народа»¹¹. Хотя и имелись внешние культурные влияния, но целостность населения Японии того времени, по мысли Тома, нисколько не была нарушена.

Другой японский историк, Э. Фудзимори, также выступает за непрерывность перехода от неолита к энеолиту в Японии, объясняя новые явления переселениями, а влияниями¹².

Сходные взгляды высказывались и советскими исследователями. А. П. Окладников, справедливо признавая определяющую роль, которая на решающем этапе этногенеза японцев принадлежала связям островного мира с материком, придает все же слишком большое значение наличию промежуточных между дзёмоном и яёи форм; в них, писал он, «можно даже проследить постепенный переход от неолита к яёи-культуре. Уже на ступени Кацусака появляются типы сосудов, позднее приобретающие доминирующее значение в керамике яёи-культуры, например, чаши на высокой ножке. В орнаменте на ступени Омори впервые проявляются с большой силой тенденции к схематизму и прямолинейности, которые находят свое выражение в яёи-орнаментике»¹³.

Еще в большей степени склонность к поискам непосредственной генетической связи между культурами дзёмон и яёи присуща работам М. В. Воробьева, в первую очередь цитировавшейся выше диссертации, на что уже указывал М. Г. Левин¹⁴. Новая работа М. В. Воробьева также не свободна от этой тенденции. Так, он пишет: «...японские археологи... не обратили внимания на то обстоятельство, что размеры и местонахождение стоянок, состав инвентаря, форма жилищ типичных памятников культуры яёи — все это говорит в пользу последовательного развития неолитической культуры от дзёмона к яёи. Разумеется, возможно и даже вероятно проникновение в это время на архипелаг новых этнических групп, связанных некоторыми элементами своей культуры с культурой яёи, но их проникновение имело место и раньше и не определяло хода развития культуры Японии, хотя и оказало на него некоторое влияние»¹⁵.

В действительности эта мысль, как мы видели цитируя С. Тома, не чужда японским исследователям. Однако вряд ли она достаточно обоснована фактическим материалом. Нельзя, конечно, отрицать большого значения неолитических традиций во всей дальнейшей истории японской культуры, взаимопроникновение неолитической и энеолитической культур было очень сложным процессом, но все же вряд ли можно говорить о простом вырастании одной культуры из другой.

Большинство находок энеолитической культуры яёи в чистом виде, без примеси свойственных дзёмону черт, сосредоточено, как известно, на Кюсю. Очевидно, именно здесь впервые и появилась эта культура на архипелаге.

Лишь два пути допускают переселение сюда крупных этнических групп вместе со скотом (а лошади появляются в Японии только с культурой яёи). Это либо путь по островной цепи Рюкю, либо путь из Кореи

¹¹ Там же, стр. 38.

¹² Сб. «Нихон рэкиси кодза» (Очерки по истории Японии), Токио, 1955, стр. 97.

¹³ А. П. Окладников, О древнейшем населении Японских островов и его культуре, «Сов. этнография», 1946, № 4, стр. 26—27.

¹⁴ М. Г. Левин, Указ. раб., стр. 273.

¹⁵ М. В. Воробьев, Древняя Япония, М., 1958, стр. 40.

через острова Цусима и Ики. Но ни о-в Тайвань, ни Рюкю не дают ничего похожего на культуру яёи¹⁶. Напротив, древняя культура южной Кореи указывает на то, что именно отсюда совершилось переселение носителей культуры яёи на Японские острова. «Памятники яёи — керамика, включая глиняную скульптуру, каменные топоры, ножи, стрелы, мечи и пр., сильно походят на соответствующие предметы, найденные в Корее»¹⁷. «В Корее обнаружена керамика, близкая к Татэясики»¹⁸ (одно из ранних типов керамики яёи).

Эта миграция с материка племен, стоявших на энеолитической ступени развития, была подготовлена процессами, которые происходили несколько раньше на территории Кореи. В период позднего неолита здесь появляются ножи полулунной формы, употреблявшиеся в качестве серпа, что указывает на развитие земледелия. В конце неолита становится известной и лошадь; получает развитие керамика типа яёи, существовавшая в Корее и раньше, тогда как другие типы керамики исчезают.

Несомненно, что энеолитическая культура яёи на территории Японии продолжает в первую очередь именно эти традиции корейского неолита и не традиции японского неолита — культуры дзёмон. Среди памятников энеолитической культуры в Японии всюду имеются свидетельства земледелия — специальные сосуды для варки риса с отпечатками его зерен даже сохранившимися зернами, мотыги, серпы; энеолитические поселения были сосредоточены в местах, удобных для орошаемых полей²⁰.

Отдельные следы земледелия отмечаются, правда, и в неолитических культурах Японии (известны отпечатки зерен риса на сосудах облика позднего дзёмона). Однако это не дает оснований считать, что земледелие зародилось в позднем дзёмоне. Дело в том, что в отсталых горных и северных областях Японии неолитические культуры продолжали существовать и тогда, когда на равнинах Юга не только существовала культура эпохи бронзы, но развилась и культура эпохи раннего железа (культуры курганов). Так, например, деревянные мечи из Корэкава, сопровождаемые типичным инвентарем позднейшего дзёмона, по форме эфеса напоминают железные мечи курганной эпохи и, вероятно, являются их имитацией (рис. 2). Для предшествующих стадий культуры дзёмон известны каменные имитации ритуального бронзового оружия. Поэтому такие позднееолитические культуры, как Ангё или Охоро, можно считать синхронными культурам раннего энеолита юга Японии, а связывающие их черты — объяснить влиянием принесенной извне более высокой энеолитической культуры на местное население более отсталых районов.

Древнейший ареал культуры риса, появившейся в это время в Японии, лежит, несомненно, в южном Китае. Но вряд ли правомерно, как это делает С. Тома, выводить традиции японского рисоводства непосредственно из южного и среднего Китая, связывая их с племенами нань-юэ. Наличие в стоянках яёи двусторонних пестов для обрушки риса, на которые ссылаются для аргументации такого взгляда, не может служить доказательством, так как аналогичные песты распространены и по сей день у корейцев. Вполне вероятно, что в Корею они действительно попали из южного Китая, но в Японию они перешли скорее всего уже из Кореи.

Столь же необоснованны доводы о проникновении культуры яёи на Кюсю из южных районов Азии, которые приводит С. Гото в цитиро-

¹⁶ R. K. Beardsley, Japan before the history, «Far Eastern Quarterly», т. 14, № 3, Lancaster, стр. 331.

¹⁷ G. B. Sanson, Japan, London, 1936, стр. 3.

¹⁸ С. Гото, Нихон-но бунка, рэймэйхэн (Заря японской культуры), Токио, 1942, стр. 26.

¹⁹ О неолите Кореи см.: М. В. Воробьев, Каменный век стран Японского моря, стр. 226.

²⁰ С. Гото, Указ. раб., стр. 62.

ванной работе. Наиболее ранние варианты энеолитической керамики представлены в культурах Онгагава и Татэясики, типичных для северной части Кюсю. В южных районах этого острова также обнаружена керамика Онгагава, но здесь она грубее, чем на севере. Нам представляется, что ее следует рассматривать не как примитивную форму энеолитической керамики, что утверждает Гото, а скорее как результат влияния новой энеолитической культуры на гончарное производство неолитического населения южного Кюсю.

Материалы из стоянки Ибусуки на крайнем юге Кюсю приводят обычно в качестве примера постепенного перехода от дзёмона к яёи. Переход этот действительно имеет место, но и здесь он может быть лучше всего объяснен все увеличивавшимся влиянием проникавшей сюда с севера новой культуры на местную. На севере Кюсю такие переходные формы отсутствуют, и это не случайно: их отсутствие говорит о единовременном быстром захвате этой территории носителями новой, уже сложившейся культуры. В соседних областях под ее влиянием возникают контактные формы, промежуточные между новыми (яёи) и старыми (дзёмон).

В энеолитической культуре имеется, правда, ряд элементов, происходящих из культуры дзёмон. Так, как указывается в цитированной выше работе А. П. Окладникова, распространенная в энеолите форма вазы на высокой ножке встречается еще на стадии Кацусака, т. е. в среднем неолите: для этого времени не может быть и речи о каком-либо энеолитическом влиянии. Это обычно трактуется как доказательство непосредственной преемственности культур яёи и дзёмон. Однако нам представляется более вероятным другое предположение: существовавшие в неолите формы керамики были заимствованы энеолитическими пришельцами у местного населения и развиты далее. Достаточно сравнить неолитическую и энеолитическую вазы и станет ясно, что при большом сходстве формы (сохраняются даже прорези в пьедестале вазы) различия в качестве теста, приемах формовки, линиях слишком велики, чтобы оба предмета приписывать одному и тому же народу (рис. 3).

Изучение истории жилища на территории южной Японии также подтверждает положение о том, что здесь в неолите шло постепенное развитие традиций древних айнов и близких к ним по культуре индонезийских племен и что в энеолите сюда проникают пришельцы с материка. Для неолита Японии в целом характерна землянка, первоначально круглая или эллиптическая, затем четырехугольная. В более позднее время она постепенно переходит в наземное жилище. На юге Кюсю землянки отсутствуют. Археолог К. Митомо отмечает²¹, что он часто встречал здесь на стоянках утрамбованную землю, следы очага, но ни одной землянки. Он делает отсюда вывод об отсутствии оседлости в этом районе, вывод,

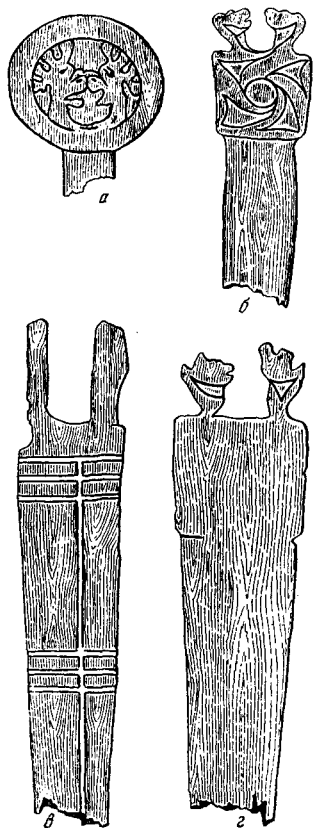

Рис. 2. Эфесы мечей: а — железного меча курганной эпохи; б, в, г — деревянных мечей из Корэкава

²¹ См. С. Тома, Указ. раб., стр. 113.

с которым никак нельзя согласиться. Этому противоречит хотя бы наличие здесь больших раковинных куч. Зато можно предположить, что на этой территории, в историческом ареале обитания кумасо, еще в неолите были распространены характерные для индонезийцев свайные жилища, которые и могли, при расположении очага вне дома, оставить найденные Митомо следы.

По С. Гото²², наземные жилища начинают преобладать в Японии конца среднего неолита. Отмечая, что позднее, в эпоху яёи, вновь шире распространяются землянки, Гото не находит этому объяснения. Между тем напрашивается следующее предположение: в южной Корее землянки засвидетельствованы как главный вид жилища и в эпоху, гора

Рис. 3. Вазы: а — неолитической культуры; б, в — позднелитической культуры

более позднюю, чем время появления носителей культуры яёи в Японии. Люди культуры яёи и принесли, по-видимому, сюда землянку, которую местного древнеайнского населения к этому времени уже сменила наземным жилищем. Отсюда можно заключить также, что эти пришельцы, в течение долгого времени сохранявшие свое традиционное жилище, даже менее совершенное, чем местное, не растворились в туземном населении, а, смешиваясь с ним, долго удерживали свои основные этнические особенности.

В целом история заселения доисторической Японии рисуется в следующем виде: древнейшее население представлено здесь предками айнов, которые, возможно, проникали сюда несколькими следующими одна за другой волнами; вслед за ними приходят народы малайско-полинезийской группы (возможные предки кумасо и хаято), по культуре близкие к древним айнам. Значительно позднее установились связи Японии с близлежащими областями азиатского материка, и происходит миграция сюда новых этнических групп, принесших с собой иную, более высокую культуру.

Указанные выводы, основанные на интерпретации археологического материала, находят свое подтверждение и в данных анализа японского языка. Как известно, по своей грамматической структуре, а именно — по синтаксису и строго суффиксальной агглютинативной морфологии японский язык схож с алтайскими, т. е. тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Как сообщает С. Оно, по мнению большинства современных японских лингвистов, «наиболее велика вероят-

²² С. Гото, Указ. раб., стр. 48.

²³ О древнем корейском жилище см.: Ли Ё Сон, Чосон мисульса гэё (Очерк истории корейского искусства), Пхеньян, 1956.

ность одинакового с японским происхождения корейского и вообще алтайских языков. Вместе с тем в лексике заметны включения из аустрических языков»²⁴.

Приведем некоторые материалы, свидетельствующие о сходстве отдельных слов в японском и корейском языках. Японо-корейские соответствия относятся преимущественно к названиям животных, частей тела и другим словам основного словарного фонда²⁵.

Японск.	Корейск.		Японск.	Корейск.	
камэ	кобук	(черепашка)	хара	пол	(степь)
сиси	сасым	(олень)	ми	мом	(тело)
цуру	турым	(журавль)	цумэ	тхоп	(коготь)
кума	ком	(медведь)	сима	сом	(остров)
хати ²⁶	пол	(пчела)	кото	кот	(вещь)
хэби	пем	(змея)	токи	чок	(время)
тити	чот	(молоко)	мото	мит	(низ)
цуба	чхим	(слиюна)	уэ	у	(верх)

Отметим, что корейские корневые слова большей частью односложные, с конечным согласным, тогда как японские корневые слова чаще всего двухсложные. Возможно, что различия возникли в связи с тем, что слова древнейшего японского языка, отходя от своих общих с корейскими прототипов и подчиняясь ставшему обязательным в японском языке закону открытого слога, отягощались новым гласным, чаще всего *a*.

Японо-корейская общность в сфере грамматики проявляется в склонении существительного, в наличии тематического подлежащего, оформленного эмфатической частицей (*-нын* в корейском, *-ва* в японском), в сходстве суффиксов именительного падежа (в обоих языках *га*) и в ряде других фактов. Так, очевидным представляется сходство между суффиксами повелительного наклонения в японском *-ро* (например, *сэро!* — делай, *ямэро!* — прекрати) и в корейском *-ра* (*хара!* — делай, *пвеора!* — покажи).

Особо следует остановиться на сопоставлении суффиксов переходности-непереходности: в японском *э* (в древнеяпонском *э/у*), а в корейском *и* (суффикс *хи* является его вариантом с придыханием у предшествующего согласного). В корейском языке суффикс *и*, будучи присоединен к непереходному глаголу, дает значение переходности или побудительности, например:

чукта — умирать, чугида — убивать;

нокта — таять, нокхида — растапливать.

Будучи присоединен к первично-переходному глаголу, этот же суффикс, наоборот, придает ему значение непереходности, самопроизвольно возникающего действия:

макта — закупоривать, макхида — быть закупоренным;

чапта — ловить, чапхида — ловиться.

²⁴ С. Оно, Нихонго-но кэйторон-ва доноёни сусумэрарэтэ кита ка? (Как развивалось учение о происхождении японского языка?), журн. «Кокугогаку», Токио, 1952, № 10.

²⁵ Примеры взяты в основном из работ: W. A. Aston, A comparative Study of Japanese and Korean, «Journal of Royal Anthropological Society of Great Britain and Ireland», New series, т. XI, London, 1879; Канадзава, Нитикан рёкокуго докэйрон (Об общности происхождения японского и корейского языков), «Тоё кёкай тэсабу гакудзину хококу» (Доклады Общества по изучению Востока), Токио, 1910. Можно было бы добавить ряд других примеров, в основном из глагольной лексики, но это потребовало бы слишком подробного фонетического обоснования.

²⁶ Следует иметь в виду, что японский *х* соответствует древнеяпонскому *п*, а корейский финальный *л* употребляется для передачи древнекитайской финали, в японском передаваемой через *т*, что дает нам право сопоставлять эти пары звуков.

Те же функции выполняет суффикс *э* в японском языке. От переходных глаголов он образует непереходные, например:

кудаку — разбивать, кудакэру — разбиваться;
току — распускать, токэру — распускаться.

От непереходных глаголов этот же суффикс образует переходные:

цуку — прикрепиться, цукэру — прикрепить;
акү — открыться, акэру — открыть;
ямү — прекратиться, ямэру — прекратить;
ясүмү — отдыхать, ясүмэру — дать отдохнуть.

Обращает на себя внимание, что суффикс *э* употребляется только после звуков *к* и *м*. Глаголы с другим исходом основы образуют свои парными способами.

Если мы рассмотрим, какие исходы основы требуют в корейском языке суффикса *и/хи*, сопоставимого с японским *э*, то увидим, что почти все они, т. е. *к*, *кк*, *пх*, *лпх*, *лп*, *лк*, принадлежат либо к группе задненёбных, либо к группе губных. Исключение составляют три исхода из десяти *х*, *лх*, *нх*. Среди девяти исходов, требующих иных суффиксов, только два губных (*м* и *лм*) и нет ни одного задненёбного.

Таким образом, рассматриваемые суффиксы не только имеют сходное звучание, но и обнаруживают следы общности законов употребления.

В обоих языках у глагола отсутствуют лицо и число; развита категория залога; разнообразны конвербиальные формы со специфическими приставками, выполняющие функции синтаксического сочинения и подчинения («деепричастия», как их обычно называют). В современном японском языке разница между определительной и заключительной формами глагола стерлась, но для древнеяпонского она была характерна, как для современного корейского. Во всех этих языках глагольные формы являются стержнем синтаксиса, и их синтаксическая позиция и определяемый ею строй предложения совершенно тождественны.

В обоих языках категории глагола и прилагательного близки друг другу. При этом в японском языке расхождение между глаголом и прилагательным зашло гораздо дальше, нежели в корейском, где «спрягаемое прилагательное не имеет ни одной специфической грамматической категории, качественно отличающей его от глагола»²⁷.

Интересно отметить, что дифференциация прилагательного и глагола в обоих языках происходит по сходному пути. В корейском определительная форма прилагательного, которая «указывает на атрибутивный характер отношения прилагательного к имени и не обозначает времени»²⁸, с определительной формой глагола (причастием) полностью совпадает. То же происхождение — от форм прошедшего времени глагола — имеют в старояпонском языке предикативная и атрибутивная формы прилагательного, с окончаниями *си* и *ки*²⁹. Более того, в новояпонском языке от глагола вторично отделилась небольшая группа прилагательных типа «икита» (живой) и др. При их образовании так использован глагольный суффикс прошедшего времени, на этот раз древнего, а современного языка.

В парадигме спряжения корейского глагола (а значит, и прилагательного) мы можем найти несколько морфем, которые кажутся близкими некоторым японским морфемам. К их числу, например, относится морфема деепричастия образа действия *-ке*; она соответствует японской морфеме *-ку*, образующей от прилагательного наречную форму. Не говоря уже о сопоставлении наречных форм корейского и японского прилагательных, наречность этой формы и у глагола видна из примера: *кы суре-н*

²⁷ А. Холодович, Очерк грамматики корейского языка, М., 1954, стр. 189.

²⁸ Там же, стр. 188.

²⁹ А. А. Холодович, К вопросу о происхождении японского прилагательного «Научный бюллетень ЛГУ», № 18, 1947, стр. 437.

зеном-и нокнокхи ккыл су итке койоун кос имнида (телега была так легка, что трое вполне могли ее сvezти)³⁰. Некоторый оттенок целенаправленности, дающий Рамстедту³¹ повод называть эту форму деепричастием будущего времени, имеется и у японской наречной формы. Корейскому кэ-рыл чукке ханда (убивает собаку) соответствуют по своей грамматической форме японские выражения: такаку суру (сделать так, чтобы это было высоким, т. е. повысить), боси-о атарасику кау (купить новую шляпу, т. е. купить шляпу так, чтобы она была новой).

Что касается фонетики, то хотя современные японский и корейский языки резко отличаются по своему звуковому составу, между строем гласных в корейском и древнеяпонском можно найти весьма существенные совпадения. Сейчас в японском языке только пять гласных звуков (тех же, заметим попутно, что и в полинезийских): *a, э, и, о, у*. В корейском их не менее восьми: *a, ö, o, э, e, y, ы, и*, а до недавнего времени было и *a* краткое. Однако в древнеяпонском языке, как показывают исследования С. Хасимото³², имелось также не менее восьми гласных звуков. Это можно проследить на примере древних текстов, где имена собственные, содержащие корни нарицательных слов, записаны при помощи китайских иероглифов, использованных фонетически. Замечено, что иероглифы, используемые для записи слогов с *o, э, и*, можно разбить на две группы. В ряде слов, содержащих, например, слог *ки*, для его передачи используются произвольно любые иероглифы из первой группы, но никогда не встречаются иероглифы из второй группы, которые служат для передачи слога *ки* в других словах. Анализ китайских чтений иероглифов показывает, что слоги одной группы обычно имеют 4-й тон, а слоги другой группы — 3-й. Звуковой состав этих китайских чтений позволяет думать, что гласные первой группы были закрытыми, а гласные второй группы — открытыми. Следовательно, древний японский язык обладал примерно тем же набором гласных, что и корейский. В корейском языке тенденция к упрощению состава гласных только намечается в виде отказа от краткого *a*, а в японском этот процесс прошел более тысячи лет назад.

В корейском языке существует явление гармонии, заключающееся в изменчивости огласовки суффиксов в зависимости от состава гласных корней. Раньше гармония была еще распространение, но с исчезновением *a* краткого исчезло и гармоническое чередование *a — ы* в соединительной морфеме, в суффиксах генетива, аккузатива, эмфазиса и др. Как литературный норматив, сохраняется чередование *ат — öт* в глагольном временном суффиксе, однако в разговорном языке «в результате интенсивно происходящего процесса унификации суффикс *-ат-* после закрытых слогов часто заменяется параллельным суффиксом *-öt-*»³³. Таким образом, и здесь отражается тенденция к стиранию гармонии. В современном японском языке гармония полностью отсутствует, но в древнем «имелись следы ее, выразившиеся в том, что в многосложном слове не могли сосуществовать гласные разных рядов — закрытого и открытого»³⁴.

Согласные в корейском языке не делятся на глухие и звонкие: те и другие считаются вариантами одной фонемы и на письме не отражаются. Озвончаются согласные в интервокальном положении. В японском языке деление на глухие и звонкие существует, но глухие обычно озвончаются в составных словах на стыке корней: например, *яма+кава* дает *ямага-ва*. В древних текстах звонкость в письме не выражается; это позволяет

³⁰ Пример взят из книги А. А. Холодовича «Очерк грамматики корейского языка», стр. 176.

³¹ Г. Рамстедт, Грамматика корейского языка, М., 1951, стр. 122.

³² «Нихон бунка си тайкэй» (Энциклопедическая история японской культуры), Токио, 1937, т. I, стр. 49—62.

³³ А. А. Холодович, Очерк грамматики корейского языка, стр. 32, 92.

³⁴ «Нихон бунка си тайкэй», стр. 62—66.

думать, что в ту эпоху звонкий и глухой согласные также могли возникать, как варианты одной фонемы³⁵.

Как можно видеть из сказанного, в корейском и японском языках существует ряд общих внутренних тенденций развития, которые находят свое выражение в процессах дивергенции прилагательного и глагола, стирании гармонии, упрощении состава гласных, делении согласных на звонкие и глухие. При этом в корейском языке процессы эти протекают медленно, а в японском они были ускорены и сейчас либо уже завершены, либо близки к завершению. Должен был иметься какой-то мощный фактор, начавший действовать после территориального отрыва японского языка от родственного ему корейского и ускоривший ход указанных процессов. Очевидно, этот же фактор повлиял и на пути отхода звучания японских слов от своих древних прототипов, о чем говорилось в соответствующем месте выше.

Представляется, что во всем этом можно видеть проявление процесса взаимодействия субстрата и суперстрата, которые должны были происходить на Японских островах при встрече переселенцев с Корейского полуострова с местным населением малайско-полинезийского происхождения³⁶. Это подтверждает выдвинутый Х. Идзуи тезис: «Японский язык вернее его основа, вряд ли сформировался на Японских островах. Сформировавшись в какой-то части материка, протояпонский язык, очевидно, пришел на острова, когда здесь наверное уже были в ходу, особенно западной их части, языки народов южного происхождения. При этом японский, заняв господствующее положение по отношению к этим языкам, ассимилировал их и сам при этом претерпел некоторые изменения».

Действительно, звуковой состав японского языка сближает его с малайско-полинезийскими и даже прежде всего с полинезийскими, т. е. не более окраинными языками этой семьи, где дальше всего зашли процессы обеднения согласными и стал обязательным открытый слог. Именно к этим языкам и тяготеет большинство малайско-полинезийских лексических включений в японском языке.

Японск.	Малайско-полинез.	Японск.	Малайско-полинез.
ика (рыба)	ика (рыба) (полинез.)	ити (рынок)	ити (поселок) (рапануй)
эи (скат)	фаи (скат) (полинез.)	ана (пещера)	ана (пещера) (рапануй)
каки (устрица)	нгакхи (устрица) (маори)	асо (имя вулкана)	асо (курить) (тагалог)
таираги (моллюск)	таираки (моллюск) (маори)	сава (болото)	саба (болото) (батакск)
комэ (рис)	комэ (пища) (маори)	нара (ровное место)	дангат (равнина) (индонез.)
арудзи (хозяин)	арики (вождь) (полинез.)		

Мы видим, что внутри приведенных пар расхождения меньше, чем обычно в родственных языках, и скорее говорят о заимствовании. Кроме того, почти все эти слова относятся к морской или береговой тер-

³⁵ «Нихон бунка си тайкэй», стр. 69.

³⁶ Мы не касаемся здесь вопроса об айских элементах в японском языке. Укажем лишь следующее: языковый анализ приводит к выводу о том, что в начальный период формирования японской народности и ее языка более важную роль играл контакт переселенцев из Кореи с индонезийскими (малайско-полинезийскими) группами, обитавшими на Кюсю, а айны — древнейшее население Японии — в этом процессе участвовали в меньшей степени. Об айском слое в японском языке см.: С. А. Арутюнов, Указ. раб.

³⁷ Х. Идзуи, Маматити-мамахаха, индонези-го то нихонго (Индонезийский и японский языки), журн. «Гэнго кэнкю», 1947, № 22/23.

³⁸ Приведенные примеры взяты из следующих трудов: Х. Идзуи, Указ. раб.; К. Цубои, Кокумин-тю-но тайэй хомэн ёри идэтару бунси-ни цуйтэ (О тихоокеанских элементах среди японцев), «Кокогаку дзасси», т. 16, № 8, Токио, 1926; D. van Hinloopen Labberton, The oceanic languages and the Nipponese as Branches of the Nippon-Malay-Polynesian family of speech, «Transactions of the Asiatic Society of Japan», Second series, т. II, Yokohama, 1925.

минологии. Вхождение из субстрата вместе с фонетикой именно этих слов показывает, что носителем языка субстрата был народ рыболовов и прибрежных собирателей, каким нам и представляется население юга Японии той эпохи по археологическим данным.

Приведенный нами весьма неполный обзор археологических, лингвистических и других данных показывает, что именно появление культуры яёи на Японских островах было вехой, отмечающей время важнейших перемен в этническом облике населения Японии. В это время изменяются границы этно-лингвистических областей, и вместо языковых связей с Юго-Восточной Азией на первый план выступают связи с географически более близкими народами, прежде всего с корейцами. Такая же перемена происходит и в области культурных связей. На антропологический облик населения эти миграции оказали, по-видимому, меньшее влияние, и это можно объяснить тем, что иммигранты вряд ли были первоначально многочисленны; кроме того, как это бывает обычно при более или менее дальних морских экспедициях, среди них скорее всего преобладали мужчины: недаром японская мифология изобилует сказаниями о переселении и путешествиях только мужчин и о находящихся на востоке (как и Кюсю от южной Кореи) островах женщины. Понятно, что после прибытия таких групп иммигрантов на новые территории сразу же должна была начаться их метисация с аборигенами, и большинство даже ранних памятников культуры яёи наверное принадлежит уже метисному населению. На более поздних этапах доля туземной крови, естественно, должна была возрастать, так как метисация продолжалась. Кроме того, принесенный иммигрантами новый язык мог стать языком межплеменного общения также у древних кумасо, хаято, айнов — там, где они жили чересполосно, и привиться у них через стадию двуязычия.

SUMMARY

From the early stages of the Jomon neolithic culture it is possible to trace the continuous and gradual evolution of the cultural traits characteristic of the Ainu. The neolithic population of Japan, rather homogeneous culturally and anthropologically, probably spoke Ainu and Malay-Polynesian languages. The aeneolithic Yayoi culture, on the other hand, is heterogeneous throughout Japan and is closest to South Korea. The features of continuity between the Jomon and Yayoi cultures are generally greatly exaggerated. Evidently, later Jomon culture was synchronous not only with the Yayoi but also with the culture of the early Iron Age, and the similarity is explained not by continuity but by interaction. A linguistic analysis reveals in both Japanese grammar and basic vocabulary identities with the Korean language; moreover, a definite stage in the divergence of the two languages can be historically observed through the evolution of Japanese phonetics. In the latter, as also in part of the Japanese vocabulary (especially terminological), a Malay-Polynesian substratum is clearly traceable. The Ainu substratum is expressed far less prominently.